

Чарльз Диккенс *Скряга Скрудж*

О. Генри *Дары волхвов*

Эрнст Теодор Шеллунгк
Амадей Гофман *и мышиный король*

Томас Майн Рид *Рождество
в охотничьем домике*

Ги де Мопассан *Рождественское гудо*

Николай Гоголь *Ночь перед Рождеством*

Леонид Андреев *Ангелозек*

Антон Чехов *Святой ногою
Архиперей
Письмо
Шампанское*

Николай Лесков *Фигура
Жемужное ожерелье
Неразменный рубль*

Александр Купчин *Чудесный доктор
Тапер
Нагальница тяги
Святая ложь
Жизнь
Елка в капелке*

Михаил Салтыков-Щедрин *Христова ногу*

Александр Бестужев-Марлинский *Страшное гаданье*

www.ksdbook.ru | www.bookclub.ua

ISBN 978-5-9910-3726-6

9 785991 037266

ISBN 978-617-12-1556-6

9 786171 215566

ДАРЫ ВОЛХВОВ
Помощи насущные гудо

ДАРЫ ВОЛХВОВ

*Помощи
насущные гудо*

ДАРЫ ВОЛХВОВ

*Истории
накануне гуда*

Сборник

ХАРЬКОВ
БЕЛГОРОД КЛУБ
2016 СЕМЕЙНОГО
ДОСУГА

УДК 82-3
ББК 84-44
Д20

Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства

Печатается по изданиям:

- Диккенс Ч.** Скряга Скрудж. Святочная песня в прозе / Чарльз Диккенс. — СПб: Н. Г. Мартынов, 1898. **Гоголь Н. В.** Собрание сочинений в 7-ми томах. Т. 1. Вечера на хуторе близ Диканьки / Н.В. Гоголь. — М.: Художественная литература, 1976. **Андреев Л. Н.** Собрание сочинений. В 6-ти т. Т. 1. — М.: Художественная литература, 1990. **Чехов А. П.** Полное собрание сочинений и писем в 30-ти томах. — М.: Наука, 1986. **Лесков Н. С.** Собрание сочинений в 12 т. Том 7. — М.: Правда, 1989. **Лесков Н. С.** Собрание сочинений в 11 т. Том 7. — М.: Государственное издательство художественной литературы, 1958. **Куприн А. И.** Собрание сочинений в 9 томах. — М.: Худ. литература, 1970. **Куприн А. И.** Избранные сочинения. — М.: Художественная литература, 1985. **Куприн А. И.** Избранное / Куприн Александр Иванович. — М.: Правда, 1990. **Салтыков-Щедрин М. Е.** Собрание сочинений в 10-ти томах. Том 9. — М.: Правда, 1988. **Бестужев-Марлинский А. А.** Сочинения. В 2-х т. Т. 1. Повести. Рассказы. — М.: Художественная литература, 1981.

Переведено по изданиям:

- by O. Henry : https://en.wikisource.org/wiki/The_Gift_of_the_Magi
Reid Th. M. The pierced heart and other stories / Thomas Mayne Reid. — London : Griffith, Farran, 1892.
Conte de Noël. Guy de Maupassant : <http://maupassant.free.fr/textes/noel.html>
Nußknacker und Mausekönig by E.T.A. Hoffmann <http://gutenberg.spiegel.de/buch/nussknacker-und-mausekonig-3083/1>

Дизайнер обложки *Евгений Мельничук*

Перевод *Н. Г. Филимоновой*

ISBN 978-617-12-1556-6 (Украина)
ISBN 978-5-9910-3726-6 (Россия)

- © Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке, 2016
- © Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», художественное оформление, 2016
- © ООО «Книжный клуб “Клуб семейного досуга”», г. Белгород, 2016

Чарльз Диккенс

Врага Скрудж

Святочная песня в прозе

Первая строфа

ПРИЗРАК МЭРЛИ

Начнем сначала: Мэрли умер. В этом не может быть и тени сомнения. Метрическую книгу подписали приходской священник, причетник и гробовщик. Расписался в ней и Скрудж, а имя Скруджа было известно на бирже, где бы и под чем бы ему ни благоугодно было подписаться.

Дело в том, что старик Мэрли был вбит в могилу, как осиновый кол.

Позвольте! Не подумайте, чтобы я самолично убедился в мертвенности осинового кола: я думаю, напротив, что ничего нет мертвеннее в торговле гвоздя, вколоченного в крышку гроба...

Но... разум наших предков сложился на подвоях и половицах, и не моей нечестивой руке касаться священного кивота веков — иначе погибнет моя отчизна...

Итак, вы позволите мне повторить с достаточной выразительностью, что Мэрли был вбит в могилу, как осиновый кол...

Спрашивается: знал ли Скрудж, что Мэрли умер? Конечно, знал, да и как же он не знал бы? Он и Мэрли олицетворяли собой торговую фирму.

Бог знает, сколько уж лет Скрудж был душеприказчиком, единственным поверенным, единственным другом и единственным провожатым мэрлевского гроба. По правде, смерть друга не настолько его огорчила, чтобы он в день похорон не оказался деловым человеком и бережливым распорядителем печальной процессии.

Вот это-то слово и наводит меня на первую мысль: Мэрли, без сомнения, умер, и, следовательно, если бы он не умер, в моем рассказе не было бы ничего удивительного.

Если бы мы не были убеждены, что отец Гамлета умер до начала пьесы, никто из нас даже внимания не обратил бы на то, что господин почтенных лет прогуливается некстати, в потемках и на свежем ветерке, по городскому валу, между могил, с единственной целью — окончательно расстроить поврежденные умственные способности своего возлюбленного сына.

Что касается собственно Скруджа, ему и в голову не приходило вычеркнуть из счетных книг имя своего товарища по торговле: много лет после смерти Мэрли над входом в их общий магазин красовалась вывеска с надписью: «Скрудж и Мэрли». Фирма торгового дома была все та же: «Скрудж и Мэрли». Случалось иногда, что некоторые господа, плохо знакомые с торговыми оборотами, называли этот дом: «Скрудж и Скрудж», а иногда и просто: «Мэрли»; но фирма всегда готова была откликнуться одинаково на то и на другое имя.

О да! Скрудж вполне изучил свой ручной жернов и крепко держал его в кулаке, милейший человек и старый грешник: скупец напоказ, он умел и нажать, и прижать, и поскоблить, но главное — не выпустить из рук. Неподатлив он был и крепок, как ружейный кремль, — из него даром и искры не выбьешь без огня; молчалив был, скрытен и отшельнически замкнут, что устрица. Душевный холод заморозил ему

лицо, нащипал ему заостренный нос, наморщил щеки, сковал походку и окислил голос. Постоянный иней убелил ему голову, брови и судорожно-лукавый подбородок. Всегда и повсюду он вносил свою собственную температуру — ниже нуля, леденил свою контору в будни и праздники и, даже ради Святков, не возвышал показаний сердечного термометра ни на градус.

Внешний жар и холод не имели на Скруджа ни малейшего влияния: не согревал его летний зной, не зяб он в самую жестокую зиму; а между тем резче его никогда не бывало осеннего ветра; никогда и никому не падали на голову так беспощадно, как он, ни снег, ни дождь; не допускал он ни ливня, ни гололедицы, ни изморози во всем их изобилии. Ничего этого Скрудж не понимал.

Никто и ни разу не встречал его на улице приветливой улыбкой и словами: «Как вы поживаете, почтеннейший мистер Скрудж? Когда же вы навестите нас?» Ни один нищий не решился протянуть к нему руки за монетой, ни один мальчишка не спросил у него: «Который час?» Никто, ни мужчина, ни женщина, в течение всей жизни Скруджа не спросили у него: «Как пройти туда-то?» Даже собака — поводырь уличного слепца, — и та знала Скруджа: как только его увидит, так и заведет своего хозяина либо под ворота, либо в какой-нибудь закоулок и начнет помахивать хвостом, словно выговаривает: «Бедняжка мой хозяин! Знаешь ли, лучше уж ослепнуть, чем сглазить добрых людей!»

Да только Скруджу не было до этого никакого дела. Напротив, именно этого он и жаждал. Жаждал пройти жизненным путем одиноко, мимо толпы, с вывеской на лбу: «па-ади-берегись!» А затем — «и пряником его не корми!», как говорят лакомки-дети.

Однажды, в лучший день в году, в сочельник, старик Скрудж сидел в своей конторе и был очень занят. Морозило; падал туман. Скруджу было слышно, как проходящие по переулку

дуют себе на руки, отдуваются, хлопают в ладоши и приплясывают, чтобы согреться.

На башне Сити только что пробил три часа пополудни, но на дворе было уж совсем темно. Впрочем, и с утра не светало, и огни в соседних окнах контор краснели масляными пятнами на черноватом фоне густого, почти твердого на ощупь воздуха. Туман проникал во все щели и замочные скважины, на открытом воздухе он до того уплотнился, что, несмотря на узость переулка, противоположные дома казались настоящими призраками. Глядя на мрачные тучи, можно было подумать, что они опускаются ближе к земле с намерением задымить огромную пивоварню.

Дверь в контору Скруджа была отворена, так что он мог постоянно следить за приказчиком, занятым списыванием нескольких бумаг в темной каморке — некоем подобии коллдца. У Скруджа в камельке огонь тлел еле-еле, а у приказчика еще меньше: просто один уголек. Прибавить к нему он ничего не мог, ведь корзинка с угольями стояла в комнате Скруджа, и каждый раз, когда приказчик робко входил с лопаткой, Скрудж предварял его попытки, заявляя, что будет вынужден с ним расстаться. Поэтому приказчик обматывал шею белым «носопрятком» и пытался отогреться у свечки. Но при таком видимом отсутствии изобретательности, конечно, не достигал своей цели.

— С праздником, дядюшка, и да хранит вас Бог! — раздался веселый голос.

Голос принадлежал племяннику Скруджа, заставшему дядюшку врасплох.

— Это еще что за пустяки? — спросил Скрудж.

Племянник так торопился к нему и так разогрелся на морозном тумане, что щеки его пылали, лицо раскраснелось, как вишня, глаза заискрились и изо рта пар валил столбом.

— Как, дядюшка, даже Святки для вас всего лишь пустяки? — заметил племянник Скруджа. — Так ли вы говорите?

— А что же? — ответил Скрудж. — Веселые Святки. Да какое у тебя право веселиться? Разоряться-то на веселье какое право? Ведь и так уж беден...

— Да полно вам бурчать! — возразил племянник. — Лучше ответьте: какое у вас право хмуриться и коптеть над цифирью? Ведь и так уж богаты.

— Ба! — продолжал Скрудж, не приготовившись к ответу, и к своему «Ба!» прибавил: — Все это глупости!

— Перестаньте же хандрить, дядюшка.

— Поневоле захандришь с такими сумасшедшими. Веселые Святки! Да уж бог с ним, с вашим весельем! Да и что такое ваши Святки? Самое-то время — платить по векселям, а у вас, пожалуй, и денег-то нет... Да ведь с каждым Святками вы стареете на целый год и припоминаете, что прожили еще двенадцать месяцев без прибыли. Нет уж! Будь моя воля, я каждого такого шального, прибежавшего с нелепыми поздравлениями, приказывал бы сварить в котле — с его же пудингом. А уж заодно бы похоронить, чтобы из могилы не убежал, проткнуть ему грудь сучком остролиста... Вот так!

— Дядюшка! — заговорил было племянник, чтобы оправдать праздничные Святки.

— Что, племянничек? — строго перебил дядюшка. — Празднуй себе Святки, как хочешь, а уж я-то отпраздную их по-своему.

— Отпразднуете? — повторил за ним племянник. — Да разве так празднуют?

— Ну и не надо!.. Тебе я желаю на Новый год нового счастья, если старого мало.

— Правда: мне кой-чего не достает... Да нужды нет. Новый год ни разу еще не набил мне кармана, а все-таки Святки для меня Святки.

Приказчик Скруджа невольно заплодировал этой речи из уже описанного колодца, но, поняв всю нелепость своего

поступка, бросился поправлять огонь в камельке и погасил последнюю искру.

— Если вы еще раз погасите пламя, — сказал ему Скрудж, — вам придется праздновать Святки в другом месте. А вам, сэр, — прибавил он, обратившись к племяннику, — я должен отдать полную справедливость: вы превосходный оратор и напрасно не вступаете в парламент.

— Не сердитесь, дядюшка: будет вам! Приходите к нам завтра обедать.

Скрудж ему ответил, чтобы он пошел к... Право, так и сказал, все слово выговорил, — так-таки и сказал: пошел... (Читатель может, если ему заблагорассудится, договорить эту фразу).

— Да почему же? — вскрикнул племянник. — Почему?

— А почему ты женился?

— Потому что влюбился.

— Любовь! — пробормотал Скрудж, да так пробормотал, как будто после слов «новый год» «любовь» было самым глупым словом в мире.

— Послушайте, дядюшка! Ведь вы и прежде никогда ко мне не заходили: при чем же тут моя женитьба?

— Прощай! — сказал Скрудж.

— Я от вас ничего не хочу, ничего не прошу: отчего же нам не остаться друзьями?

— Прощай! — сказал Скрудж.

— Я и в самом деле огорчен вашей решительностью... Между нами, кажется, ничего не было... по крайней мере с моей стороны... хотелось мне провести с вами первый день года. Но что ж делать, ежели вы не хотите. Я все-таки повеселюсь — и вам того же желаю.

— Прощай! — сказал Скрудж.

Племянник вышел из комнаты, ни полусловом не выразив неудовольствия, но остановился на пороге и поздравил с наступающим праздником провожавшего его приказчика —

в этом человеке, несмотря на постоянный холод, было все-таки больше теплоты, чем в Скрудже. Поэтому он радушно ответил на поздравление, так что Скрудж услышал его слова из своей комнаты и прошептал:

— Вот еще дурак-то набитый! Служит у меня приказчиком, получает пятнадцать шиллингов в неделю, на руках жена и дети... а туда же, радуется празднику! Ну, разве не сам напрашивается в дом сумасшедших?

В это время набитый дурак, проводив племянника Скруджа, ввел за собой в контору двух новых посетителей: оба джентльмена казались крайне порядочными людьми, с благовидной наружностью, и оба при входе сняли шляпы. В руках у них были какие-то реестры и бумаги.

— Скрудж и Мэрли, кажется? — спросил один из них с поклоном и поглядел в список. — С кем имею удовольствие беседовать: с мистером Скруджем или с мистером Мэрли?

— Мистер Мэрли умер семь лет назад, — ответил Скрудж. — Ровно семь лет тому умер, именно в эту самую ночь.

— Мы не сомневаемся, что великодушие покойного нашло себе достойного представителя в пережившем его компаньоне! — сказал незнакомец, предъявляя официальную бумагу, уполномочивавшую его на соби́рание милостыни для бедных.

Сомневаться в подлинности этой бумаги было невозможно; однако же при досадном слове «великодушие» Скрудж нахмурил брови, покачал головой и вернул посетителю свидетельство.

— В эту радостную пору года, мистер Скрудж, — заговорил посетитель, взяв перо, — было бы желательно собрать посильное пособие бедным и неимущим, страдающим теперь более, чем когда-нибудь: тысячи из них лишены самого необходимого в жизни, сотни тысяч не смеют и мечтать о наискромнейших удобствах.

— Разве тюрьмы уже уничтожены? — спросил Скрудж.

— Помилуйте, — ответил незнакомец, опуская перо. — Да их теперь гораздо больше, чем было прежде...

— Так, стало быть, — продолжал Скрудж, — приюты прекратили свою деятельность?

— Извините, сэр, — возразил собеседник. — Дай-то Бог, чтобы они ее прекратили!

— Так человеколюбивый жернов все еще мелет на основании закона?

— Да! И ему, и закону еще много работы.

— О! А я ведь было подумал, что какое-нибудь непредвиденное обстоятельство помешало существованию этих полезных учреждений... Искренне, искренне рад, что ошибся! — проговорил Скрудж.

— В полном убеждении, что ни тюрьмы, ни приюты не могут христиански удовлетворить физических и духовных потребностей толпы, несколько особ собрали по подписке небольшую сумму для покупки бедным, в честь предстоящих праздников, куска мяса, кружки пива и пригоршни угля... На сколько вам угодно будет подписаться?

— Да... ни на сколько! — ответил Скрудж.

— Вам, вероятно, угодно сохранить анонимность.

— Мне угодно, чтобы меня оставили в покое. Если вы, господа, сами спрашиваете, чего мне угодно, я дам вам ответ. Мне и самому праздник не радость, и я не намерен поощрять бражничанье каждого тунеядца. И без того я плачу достаточно на поддержание благотворительных заведений... то бишь тюрем и приютов... пусть в них и отправляются те, кому плохо в ином месте.

— Да ведь некоторым и появляться там нельзя, а другим легче умереть.

— А если легче, кто же им мешает так и поступать, ради уменьшения нищенствующего народонаселения? Впрочем, извините — все это для меня китайская грамота.

— Однако же вам ничего не стоит ей поучиться?

— Не мое это дело! — возразил Скрудж. — *Довлеет дневи злоба его.* А у меня собственных дел больше, чем дней. Позвольте с вами проститься, господа!

Поняв всю бесполезность дальнейших уговоров, незнакомцы удалились.

Скрудж опять уселся за работу в самодовольном расположении духа.

А туман и потемки все густели, да густели так, что по улицам засверкали уже светочи, предназначенные водить за узду извозчичьих коней и наставлять их на правильные пути. Старая колокольня с нахмуренным колоколом, постоянно наблюдавшим из любопытства в свое готическое окно за конторой Скруджа, вдруг исчезла из виду и уже в облаках стала трезвонить четверти, половину часа и целые часы. Мороз крепчал.

В углу двора несколько работников поправляли газопроводные трубы и разогрели огромную жаровню, вокруг теснилась целая толпа мужчин и оборванных ребятишек: они с наслаждением потирали руки и шурились на огонь. Кран запертого фонтана обледенел так, что смотреть было противно.

Газовые лампы магазинов озаряли ветки и ягоды остролиста и бросали красноватый отблеск на бледные лица прохожих. Мясные и зеленные лавки сияли такой роскошью, представляли такое великолепное зрелище, что никому бы и в голову не пришло соединить с ними идею расчета и барыша. Лорд-мэр в своей крепости отдавал приказы направо и налево своим пятидесяти поварам и пятидесяти ключникам, как и подобает в сочельник лорд-мэру. Даже бедняга портной (не далее, как в прошлый понедельник подвергнувшийся денежному наказанию в пять шиллингов за пьянство и разгул на улице), даже и тот на своем чердачке принялся хлопотать о завтрашнем пудинге, а тощая его половина с тощим сосунком на руках отправились на бойню купить необходимый для этого кусок говядины.

Между тем туман становится гуще и гуще, холод живее, жестче, пронзительнее. Вот он крепко ущипнул за нос уличного мальчишку, тщедушного, обглоданного голодом, как кость собакой: владелец этого носа прикладывает глаз к замочной скважине скруджской конторы и начинает славить Христа, но при первых словах: «Господи спаси вас, добрый господин!» Скрудж так энергично хватает линейку, что певец в ужасе отбегает, оставляя замочную скважину добычей тумана и мороза, а они тотчас же врываются в комнату... конечно, из сочувствия к Скруджу...

Наконец наступает пора запереть контору: Скрудж угрюмо спускается со своего табурета, словно подавая молчаливый знак приказчику убираться скорее вон: приказчик мгновенно тушит свечу и надевает шляпу.

— Предполагаю, что завтра вы целый день останетесь дома? — спрашивает Скрудж.

— Если это вам удобно, сэр.

— Нисколько это мне не удобно, да и вообще с вашей стороны несправедливо. Если бы за завтрашний день я удержал из вашего жалованья полкроны, я уверен — вы бы обиделись?

Приказчик слегка улыбнулся.

— А между тем, — продолжал Скрудж, — вы не сочтете в обиду для меня, что я должен вам платить за целый день даром.

Приказчик заметил, что это случается только один раз в год.

— Плохое оправдание и плохой повод — запускать руку в чужой карман каждое двадцать пятое декабря, — возразил Скрудж, застегивая пальто до самого подбородка. — Тем не менее я полагаю, что вам нужен целый завтрашний день: постарайтесь же вознаградить меня за него послезавтра, и как можно пораньше.

Приказчик пообещал, и Скрудж, ворча себе под нос, вышел из дома. Контора была заперта в мгновение ока, и приказчик, скрестив оба конца «*носопрята*» на жилете (сюртук

он считал роскошью), пустился по Корнгильской панели, поскользнувшись раз двадцать вместе с толпой мальчишек, то и дело падавших в честь сочельника. Во весь дух добежал он до своей квартиры в Кэмдентоуне, чтобы успеть на традиционную игру в жмурки.

Скрудж же уселся за скудный обед в своей обычной грошовой харчевне. Перечитав все журналы и порадовав себя к концу вечера просмотром своей счетной книжки, он отправился домой. Занимал он бывшую квартиру своего покойного товарища; длинный ряд темных комнат в старинном мрачном здании в самом конце закоулка. Бог весть, как оно туда попало? Так и казалось, что смолоду оно играло в прятки с другими домами, спряталось, а потом так и не нашло дороги. Ветхо оно было и печально — кроме Скруджа, в нем никто не жил: остальные квартиры были заняты разными конторами и бюро. Двор был темен до такой степени, что сам Скрудж, хоть и знал наизусть каждую плиту, вынужден был пробираться ощупью. Холод и туман крепко прижались к старой входной двери — так крепко, что вы бы подумали, что на ее пороге присел гений зимы, погруженный в грустные размышления.

Факт первый: в дверном молотке не было ничего замечательного, кроме непомерной величины. Вторым фактом было то, что Скрудж видел этот молоток ежедневно, утром и вечером, с тех самых пор, как поселился в доме. Кроме того, Скрудж обладал так называемым воображением даже менее, чем все остальные представители цехов и гильдий. Не следует также забывать, что в течение целых семи лет, значит, как раз со дня смерти Мэрли, Скрудж ни разу не подумал о покойнике. Учитывая все это, остается только гадать, каким образом случилось, что Скрудж, поворачивая ключ в замке, своими глазами увидел на месте дверного молотка лицо Мэрли. Клянусь: он увидел лицо Мэрли! Оно не было непроницаемой тенью, как все остальные предметы во дворе, напротив: оно светилось каким-то синеватым светом, подобно гнилому

морскому раку в темном погребе. В выражении его не было ничего гневного и свирепого: Мэрли смотрел на Скруджа, как и всегда, приподняв призрак очков на призрак лба. Волосы его шевелились на голове, как будто от какого-то дуновения или от горячего пара, Мэрли глядел во все глаза, но они были неподвижны. Это обстоятельство и синеватый цвет кожи приводили в ужас, хотя Скрудж испугался не мертвеного выражения лица, а, так сказать, испугался самого себя.

Пристально взглядевшись в это явление, Скрудж снова увидел один только дверной молоток. Мы бы погрешили перед совестью, если бы сказали, что Скрудж не ощутил ни дрожи, ни страшного, дотоле незнакомого ему волнения в крови. Однако он быстро повернул ключ, вошел в комнату и зажег свечу. На мгновение он остановился в нерешительности и, прежде чем запереть дверь, поглядел, нет ли кого за ней, словно боялся, что вот-вот покажется в сенях тонкий нос Мэрли. Но за дверью не было ничего, кроме гаек и винтов, придерживавших изнутри дверной молоток.

— Ба! Ба! — сказал Скрудж и сильно захлопнул дверь.

По всему дому прошел громовой гул. Каждая комната наверху и каждая бочка внизу, в винном погребе, приняли особенное участие в этом концерте эха. Скрудж был не из тех, кто пугается эха: он крепко запер дверь, прошел прихожую и стал подниматься по лестнице, поправив на дороге свечу.

Вы станете мне рассказывать о старинных, блаженной памяти, лестницах, по которым могла бы проехать карета в шесть лошадей в ряд или пройти процессия с одним из маленьких парламентских дел, но я вам скажу, что лестница Скруджа была совсем иного сорта: по ней можно было провести дроги поперек, так, чтобы один конец был обращен к стене, а другой к перилам, и это ничего бы не значило, пожалуй, еще место бы осталось. По самой этой причине Скруджу и показалось, что перед ним в темноте поднимается по лестнице погребальное шествие. Полдюжины уличных газовых рожков едва ли

могли бы достаточно осветить путь: можете же себе представить, какое яркое сияние разливала свечка Скруджа!

Он поднимался как ни в чем не бывало: ведь темнота ничего не стоит, а потому Скрудж и не чувствовал к ней никакого отвращения. Но прежде всего, войдя к себе, он осмотрел все комнаты, видимо обеспокоенный воспоминанием о таинственном лице.

Гостиная, спальня и кладовая оказались в порядке. Никого не было под столом, никого не было под диваном, комелек тлел и нагревал кастрюлю с кашницей (у Скруджа был на сморк). Никого не было также и в спальне под постелью, и в кладовой; никто не спрятался за висевшим на стене халатом. Вполне успокоившись, Скрудж запер дверь на замок, в два оборота, надел халат, туфли, ночной колпак, уселся перед огнем и принялся за кашницу.

Печка была сложена очень давно, вероятно, каким-нибудь голландским купцом. На изразцах были изображения, заимствованные из Библии: Каины и Авели, дочери фараона, царицы Савские, Вальтасары... а все-таки над всеми ними, казалось, мелькало неотступное лицо Мэрли...

— Вздор! — проговорил Скрудж и стал ходить взад и вперед по комнате.

Вдруг его глаза остановились на старом звонке, давно уже не использовавшемся и проведенном для какой-то цели в нижний этаж дома. Вообразите же изумление и ужас Скруджа, когда этот звонок начал шевелиться: сперва он только качнулся почти без звука, но затем колокольчик так и залился звоном, и ему ответили все остальные колокольчики в доме.

Звенели они никак не более минуты, но эта минута показалась Скруджу целым часом. Колокольчики смолкли так же, как и зазвенели: все вместе. Их звон сменило бряцание железа — словно кто-то внизу, в винном погребе, протаскил по бочкам тяжелую цепь. Скрудж вспомнил, что все привидения волочат за собой цепи.

Погребная дверь распахнулась с ужасным стуком, и Скрудж услышал звук цепи сначала в первом жилье, потом на лестнице и наконец прямо напротив своей двери.

— Все это сущий вздор! — сказал Скрудж. — И верить не хочу!

Однако же он переменялся в лице, когда призрак вошел в комнату прямо сквозь запертую толстую дверь. Умирающий огонек вспыхнул в комельке, словно прокричал: «Я его узнаю, это призрак Мэрли!» — и затем погас. Перед Скруджем и в самом деле было настоящее лицо Мэрли: та же тонкая коса, тот же обычный его жилет, те же панталоны в обтяжку: и шелковые кисточки на сапогах по-прежнему качаются в такт с косою и полами платья. Цепь обвивала его пояс и волочилась за призраком длинным хвостом. Скрудж рассмотрел, что она была собрана из кассовых ящиков, связок ключей, железных засовов, замков, больших книг, папок и тяжелых стальных кошельков.

Тело призрака было до того прозрачно, что Скрудж, взглянув на его жилет, ясно увидел сквозь него две пуговицы, пришитые к спинке кафтана. Но хотя Скрудж припомнил, что и при жизни у Мэрли (по соседским сплетням) не было внутренностей, все еще не верил своим глазам. Однако нынче заметил все до малейшей подробности, даже до фуляра на голове, повязанного под подбородком.

— Что это значит? — спросил он холодно и насмешливо, как и всегда. — Чего вы от меня хотите?

— Многого.

Нет никакого сомнения: то был голос Мэрли.

— Кто вы такой?

— То есть как это — кто я такой?

— Ну, кто же? — переспросил Скрудж, возвышая голос. — Для призрака вы большой пурист...

— При жизни я был вашим товарищем Джейкобом Мэрли.

— Можете ли вы... присесть?

— Могу.

— Садитесь же.

Скрудж предложил призраку присесть, чтобы понять, в состоянии ли сидеть такое прозрачное существо, и чтобы избежать неприятного объяснения. Призрак сел очень развязно.

— Вы в меня не верите? — заметил он.

— Не верю.

— Какого же доказательства моей реальности вы требуете, кроме свидетельства ваших чувств?

— И сам не знаю.

— Отчего же вы не доверяете вашим чувствам?

— Оттого, что их может извратить всякая случайность, всякое расстройство желудка, и в сущности вы, может быть, нечто иное, как ломоть неперевавшего мяса, полложечки горчицы, кусок сыра, кусочек сырого картофеля? Во всяком случае, от вас пахнет скорее можжевелькой, чем можжевельником.

Скрудж вообще не жаловал острот и теперь менее всего чувствовал охоту острить, но он пошутил для того, чтобы дать другое направление мыслям и победить свой ужас, ведь голос призрака заставлял его трепетать до самого мозга костей.

Скрудж терпел чертовскую пытку, сидя напротив призрака и не смея отвести взгляд от этих неподвижных стеклянных глаз. И в самом деле, было что-то ужасное в адской атмосфере, окружавшей призрака: Скрудж, разумеется, не мог ее сам ощущать, но он видел, что призрак сидит совершенно неподвижно, а между тем его волосы, полы кафтана и кисти сапог шевелятся, будто от серного пара, вылетавшего из какого-то горнила.

— Видите вы эту зубочистку? — спросил Скрудж, чтобы рассеять свой страх и хоть на мгновение оторвать от себя холодный, как мрамор, взгляд призрака.

— Вижу, — ответил призрак.

— Да вы на нее даже и не смотрите!

— Это не мешает мне ее видеть.

— Так вот: стоит мне только ее проглотить — и я до конца своих дней буду окружен легионом домовых. Все это — вздор, говорю вам... Вздор!

При этом слове призрак страшно вскрикнул и так оглушительно, так заунывно потряс цепью, что Скрудж ухватился обеими руками за стул, чтобы не упасть в обморок. Но его ужас удвоился, когда призрак вдруг сорвал с головы фуляр и при этом нижняя его челюсть свалилась на грудь.

Скрудж упал на колени и закрыл лицо руками.

— Боже милосердный! — вскрикнул он. — Проклятое привидение!.. Зачем ты появилось терзать меня?

— Душа плотская, душа земная! — ответил призрак. — Веришь ли ты теперь в меня?

— Я должен верить поневоле?.. — сказал Скрудж. — Но зачем же духи бродят по земле и зачем заходят ко мне?

— Обязанность каждого человека, — отвечал призрак, — соединиться душой с ближним: если он уклоняется от этого при жизни, душа его осуждена блуждать в мире после смерти... Осуждена она быть бесполезной и безучастной свидетельницей всех явлений этой судьбы, тогда как при жизни она могла бы слиться с другими душами для достижения общего блага.

Призрак вскрикнул еще раз и заломил свои бесплотные руки.

— Вы скованы? — спросил дрожавший Скрудж. — Но скажите, за что?

— Я ношу цепь, которую в жизни сам же выковал себе, звено за звеном, аршин за аршином, сам добровольно надел ее на себя, чтобы добровольно же носить ее всегда. Может быть, тебе нравится этот образ?

Скрудж дрожал сильнее и сильнее.

— Или тебе хочется, — продолжал призрак, — узнать тяжесть и длину твоей собственной цепи? Семь лет назад, изо дня в день, она была так же длинна и тяжела, как моя;

потом ты еще потрудился над ней, и теперь, клянусь, славная цепь вышла...

Скрудж посмотрел на пол: нет ли на нем самом железной цепи, саженей эдак в пятьдесят? Но цепи видно не было.

— Джейкоб, — сказал он умоляющим голосом, — старый мой друг Джейкоб Мэрли, поговорите еще со мной, скажите мне несколько слов утешения, Джейкоб!

— Не мне утешать тебя, — ответил призрак, — утешение приноситсЯ свыше, иными послами, и к иным людям, чем ты, Эбенезер Скрудж! Я тебе и сказать не могу всего, что бы мне хотелось сказать: я обречен блуждать без отдыха и нигде не останавливаться. Ты знаешь, что на земле моя душа не преступала пределов нашей конторы, вот почему мне суждено теперь совершить еще много тяжелых путешествий!

У Скруджа была привычка, когда он задумывался, засовывать руки в карманы штанов: так поступил он и теперь, при последних словах призрака, но с колен не встал.

— Вы, должно быть, порядком запоздали? — заметил он, как истый деловой человек, однако же с покорностью и с почтительностью.

— Запоздал! — повторил призрак.

— Семь лет как умер, — рассуждал Скрудж, — и все время в дороге...

— Все время! — сказал призрак. — И ни отдыха, ни покоя, и непрерывная пытка угрызениями совести...

— Быстро вы путешествуете? — спросил Скрудж.

— На крыльях ветра, — ответил призрак.

— Должно быть, много стран повидали! — продолжал Скрудж.

Призрак вскрикнул в третий раз и так загремел цепью, что дозор имел бы полное право представить его в суд за ночной шум.

— О горе мне, скованному узнику! — простонал он. — Горе мне за то, что я забыл обязанность каждого человека —

Содержание

ЧАРЛЬЗ ДИККЕНС

Скряга Скрудж 5

О. ГЕНРИ

Дары волхвов 69

ЭРНСТ ТЕОДОР АМАДЕЙ ГОФМАН

Щелкунчик и мышиный король 77

ТОМАС МАЙН РИД

Рождество в охотничьем домике 142

ГИ ДЕ МОПАССАН

Рождественское чудо 157

НИКОЛАЙ ГОГОЛЬ

Ночь перед Рождеством 164

ЛЕОНИД АНДРЕЕВ

Ангелочек 213

АНТОН ЧЕХОВ

Святой ночью 229

Архиерей 241

Письмо 259

Шампанское 271

НИКОЛАЙ ЛЕСКОВ

Фигура.....	278
Жемчужное ожерелье.....	305
Неразменный рубль.....	323

АЛЕКСАНДР КУПРИН

Чудесный доктор.....	334
Тапер.....	344
Начальница тяги.....	359
Святая ложка.....	365
Жизнь.....	379
Елка в капельке.....	383

МИХАИЛ САЛТЫКОВ-ЩЕДРИН

Христовая ночь.....	385
---------------------	-----

АЛЕКСАНДР БЕСТУЖЕВ-МАРЛИНСКИЙ

Страшное гаданье.....	392
-----------------------	-----

Літературно-художнє видання

Дари волхвів. Історії напередодні дива

Збірка
(російською мовою)

Укладач *Сергій Реутов*

Керівник проекту *З. О. Бакуменко*
Координатор проекту *Г. В. Сологуб*
Відповідальний за випуск *О. В. Стратілат*
Редактори *О. Е. Лісовикова, М. Б. Рабінович*
Художній редактор *Т. О. Волошина*
Технічний редактор *І. О. Гнідая*
Коректор *О. В. Сергіна*

Підписано до друку 04.10.2016. Формат 84x108/32.
Друк офсетний. Гарнітура «Literaturna».
Ум. друк. арк. 22,68. Наклад 8000 пр. Зам. № .

Книжковий Клуб «Клуб Сімейного Дозвілля»
Св. № ДК65 від 26.05.2000
61140, Харків-140, просп. Гагаріна, 20а.
E-mail: cop@bookclub.ua

Віддруковано у ПРАТ «Харківська книжкова фабрика «Глобус»»
61012, м. Харків, вул. Різдяна, 11.
Свідоцтво ДК № 3985 від 22.02.2011 р.
www.globus-book.com

Литературно-художественное издание

Дары волхвов. Истории накануне чуда

Сборник

Составитель *Сергей Реутов*

Руководитель проекта *З. А. Бакуменко*
Координатор проекта *Г. В. Сологуб*
Ответственный за выпуск *Е. В. Стратилат*
Редакторы *Е. Э. Лесовикова, М. Б. Рабинович*
Художественный редактор *Т. О. Волошина*
Технический редактор *И. А. Гнедая*
Корректор *Е. В. Сергина*

Подписано в печать 04.10.2016. Формат 84x108/32.
Печать офсетная. Гарнитура «Literatruya».
Усл. печ. л. 22,68. Тираж 8000 экз. Зак. № .

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»
Св. № ДК65 от 26.05.2000
61140, Харьков-140, просп. Гагарина, 20а.
E-mail: corp@bookclub.ua

Отпечатано в ПРАТ «Харківська книжкова фабрика “Глобус”»
61012, г. Харьков, ул. Рождественская, 11
Свидетельство ДК № 3985 от 22.02.2011 г.
www.globus-book.com

УКРАИНА

- по телефонам справочной службы
(050) 113-93-93 (МТС); (093) 170-03-93 (life)
(067) 332-93-93 (Киевстар); (057) 783-88-88
- на сайте Клуба: **www.bookclub.ua**
- в сети фирменных магазинов см. адреса на сайте Клуба или по QR-коду

Высылается бесплатный каталог

Для оптовых клиентов

Харьков

тел./факс +38(057)703-44-57
e-mail: trade@bookclub.ua
www.trade.bookclub.ua

Киев

тел./факс +38(067)575-27-55
e-mail: kyiv@bookclub.ua

Одесса

тел./факс +38(067)572-44-28
e-mail: odessa@bookclub.ua

**Приглашаем к сотрудничеству
авторов, художников, переводчиков и редакторов**

e-mail: publish@bookclub.ua

**Дары волхвов. Истории накануне чуда : сборник / Чарльз
Д20 Диккенс и др. — Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного
Досуга», 2016. — 432 с.**

ISBN 978-617-12-1556-6 (Украина)

ISBN 978-5-9910-3726-6 (Россия)

УДК 82-3
ББК 84-44